„КНИЖНЫЙ УГОЛ"

КРИТИКА—БИБЛИОГРАФИЯ
ХРОНИКА

6

Издательство
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК"
Петербург.
1919.

КНИЖНЫЙ УГОЛ.

№ 6.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ц. Типограф. Просп. Володарскаго 58. (Литейный).

РОЗАНОВ

Умер 23-го Января ст. ст. 1919 г. в Сергиевом Посаде. Погребен там же — на кладбище Черниговского монастыря.

Розанов умер.

Что вещам «больно», это есть постоянное мое страдание за всю жизнь. Через это «больно» проходит нежность... Мне иногда кажется, что я вечно-бы с людьми «воровал у Бога»... не то золотые яблоки, не то счастье, вот это убавление грусти, вот это убавление боли, вот эту ужасную смертность и «окончательность людей», что все «кончается» и все «не вечно».

В. Розанов.

Папа умер... приезжайте.

Из телеграммы.

Многословный, велиречивый некролог?

Словесные венки на гроб умершего?

Или клятвы верности заветам его над только что засыпанной могилой?

Ну, как же все это ненужно над могилой Василия Розанова.

Так и должно было случиться, что умер он такой «домашней» смертью и что тело его повезли на деревенских дрогах, и что могила его не на литературных мостках столицы, а на одиноком кладбище Черниговского монастыря, в снежных сугробах Сергиева—Посада.

Так должно было случиться...

И так случилось.

Случилось у стен радостно расцвеченной, расписной Троицко-Сергиевской Лавры, дряхлого памятника старой Руси, гордо возносящего свои золотые купола над бесплодными, увы, песками нашей «Новой», позором немощи испепеленной, России.

Здесь, у этих стен, притулился Розанов, одинокий, с вздыбленной совестью, безудержный человек.

Здесь, в крохотном Посаде, в таком провинциальном домике, попрежнему «сидел у окна» он, мистик домашнего

уюта, домашнего тепла, и смотрел вдаль за каменную ограду Лавры, поверх золоченных куполов ее, смотрел, исходя своими полу-думами, полу-мыслями о человеке и родине.

И попрежнему тихо и тяжело вздыхал.

И какой бы это ересью не показалось, но Розанов, он-один, единственный из современников, был единственной совестью нашей, совестью современности.

—Пренебрег веками созидаемой благоустроенностью душ наших и морали нашей, пренебрег всякими покровами и всякой мишурой какой бы то ни было фразеологии, презрел косметику, коей так старательно украшала нас фальшивая в своей выспренности и ходульная в своей изощренности многовековая цивилизация наша, оголился до не́льзя, так как никто до него и...

заболел.

Тяжело, мучительно заболел тяжелой и мучительной болезнью совести. И, заболев, с настойчивостью и безпощадностью маниака, с рвением и непримиримостью религиозного безумца, со словами откровений, достойными его гения, стал всенародно каяться в греховности человечьего существа своего.

...Каяться в греховности своей и также настойчиво, также безпощадно упорствовать в ней.

О, это было ужасное, отчаянное покаяние.

И современники не выдержали: одни зажмурили глаза, другие боязливо обходили такое страшное и такое странное по неожиданности своей, по всей обстановке своей, место казни.

. . . .

. . . .

Умер он, успокоенный, в тихом мерцании лампад, под благовест многокупольной, золотом расцвеченной Лавры.

Умер так, как должно было только мечтаться ему раньше, но не верилось, что *это* будет *так*.

Умер и, как всегда откровенный в противоречиях, даже самой смертью своей, такой христианнейшей смертью, впал в последнее на своем жизненном пути противоречие.

Но те,

кто любил Розанова, именно любил, а не ценил как

мыслителя, или как философа, или как писателя (не даром, такая любовь была страшна ему самому);

кто любил его интимнейшего из пишущих и писавших, любил особой, нежной, «домашней» что ли, любовью;

кто за каждым словом его и за каждым поступком его, каковы бы они не были, различал едва слышимый часто, но всегда такой больной вздох,—вздох о человеке, брошенном так безжалостно, так сиротливо в этот огромный неуютный мир;

те, кто бы они не были и как бы и во что не верили, должны,—по человечески должны,—радоваться этому последнему противоречию его жизни...

Должны радоваться такой успокоенной смерти, и этому умиротворяющему мерцанию лампад, и этому торжественному благовесту церковному.

Сергиев—Посад.

Виктор Ховин.

Последние Листья.

КОСМОГОНИЧЕСКОЕ «РАЗРЫВ—ТРАВА».

Не может, не может, не может быть двух заветов...

Если «два завета»—два Бога, двуБожие. Две воли, двумыслие, два созерцания.

Как-же жить? Боже, научи. О, и этого нельзя сказать: нельзя даже произнести «научи», а только можно другое:

Который же из вас...

Ужасно; ах, так вот в чем «падение Царства». Царство, которое тянется на́—две стороны,—разрывается.

Вот в чем дело. Бедная Русь.

И ты «полу-—делала» и «не доделывала». Начало активности—и безконечность. Начало пассивности—и тоже безконечность. Конечно, есть сон и бодрствование. Но самый сон—нужен, как укрепление к бодрствованию. Т. е. самого бодрствования как-то недостаточно, и мы «высыпаемся», чтобы «подпрыгнуть». Мы-же, Русь, засыпали, просыпались, пробуждались, чтобы только «перевернуться на другой бок».

И вот, рассыпались. Так понятно.

ИЗ ТАИН ХРИСТОВЫХ.

Кто был полон музыки—это Моисей. Оттого Бог отнял у него вовсе слово («пуглив», «заика»): иначе-бы и днем, и ночью, он все пел перед Израилем. И вышли-бы не законы, а песни. А для той поры, для младенчествующей поры Израиля, нужны были «заповеди», «мицвы», законы. И Бог отнял у него голос.

Поразительно, что Христос не только не пропел ни одной песни, но что и представить себе поющим Его мы совершенно не в состоянии. То-есть? т. е., есть нечто нам и самим непонятное, непостижимое, почему мы угадываем, но угадываем вполне истинно, что хотя «в начале бе Слово», но именно это слово было совершенно без музыки.

ТАЙНА В МУЗЫКЕ ПЕСНОПЕНИЙ.

Весь красивый, изящный—он вошел к этому умному юноше с страшно бледным лицом, к которому я пришел за одной нуждой. Он не ожидал встретить меня там, и, выйдя в переднюю, этот не добрый юноша и тот красивый, духовный долго шептались. Я обоих очень любил. Но, наклонив голову, как то прошептал:

«Не́-бо врагóм Твоим тайну повем, ни лобзание дам Ти яко Иуда. Но яко разбойник, исповедую Тя: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем *).

Вошедший был уже не в той темной, поношенной рясе, в которой он постоянно ходит, а в белой, чистейшей и как-то сверкающей (отлив). Он был весь кокетлив, очень оживлен,—и, к изумлснию моему,—резко как на «ложь и оклеветание монашества» начал возражать против моих брачных теорий, настаивая, что церковь нисколько «не

---

*) Торжественная молитва, читаемая у православных в самом конце литургии, пред толпою причащающихся, и как-бы от лица самих этих причастников, выделенных, обособленных, замирающих в страхе (сейчас начнется их причащение) и нарядных. Тут все трогательно, умиленно и живописец Богданов-Бельский, питомец С. А. Рачинского, нарисовал большую картину этого момента литургии конечно под вдохновенным раз'яснением Рачинского. Р—ский был очень к нему привязан.

противится браку—как благословенному еще в раю», а что моя теория монашества, изводящая этот институт из натуры «людей лунного света»—совершснно ложна.

Ошеломленный, я не возражал ему, хотя он-же в одном письме писал мне, что один «епископ на покое» без всяких уговоров со мною высказывал ему о монашестве точно такой-же взгляд. Епископ этот был очень уважаем «этим» им,—и я был уверен по этой ссылке, что и корреспондент мой не иначе думает. Да он так и думал, я знаю. Длинное письмо его—в «Приложениях» моей книги «Люди лунного света».

Разговор длился около часу. И, уходя,—раздраженный после отказа того богатого юноши, который сжался дать мне в займы сто рублей с «отдам через четыре дня»,—все шептал слова знаменитого пред'причастного стиха. Гипнотизируемый звуками и особенно мыслью этих слов, я вдруг почувствовал в самой музыке и тоже в смысле—«туда», «сюда, «опять туда»—сгибы змеи.

Придя домой, усталый,—я нашел грустное письмо прекраснейшего курского врача,—не практикующего,—«не очень верного мужа не очень верной жены» (разошлись), как он писал мне. Добрый, почти старый, он доживает век с сыном. Больше всего любит церковь и «старичков русских, из купцов». Весь милый и прекрасный. Любит тоже Франциска Ассизского. Читает Платона и Филарета. Меня тоже очень любит, хотя мы ни разу не виделись, и прислал мне чудный томик «Северных Цветов» Пушкина и Дельвига. Он весь правдив, прекрасен, страдает о разрушении Руси этими . . . . . . и заключил письмо великой скорбью Апостола Павла, сказанною в знаменитом стихе:

«Вижу бо доброе и одобряю: а последую худшему».
«Video meliora proboque, deteriora sequor».

Я сел в задумчивости и долго думал. Как струйки дыма (курю махорку, подлинный табак в Посаде дорог) вилась во мне мысль. И подумал:

Как удивительно, невероятно и убивительно, что в церковной музыке и в самом сгибе слов церковных—туда, и сюда, вот еще загиб шейки, и головка плоская лежит, язычек двоящийся змеи. И если в самом деле Бог рассудил

Врагу Своему, врагу Вечному,—«ползать на чреве», то отчего в песнях церковных и в ходе церковной мысли, совершенно независимо от намерения авторов их, чувствуется присутствие этого же Врага Рода Человеческого и Врага Божия.

Опять вздохи, опять стенания. Да. Доктор-то написал мне не тот текст из Апостола Павла, а другой:

«Боже, кто избавит меня от сего тела грешного». Но я ответил доктору:

—Отчего в христианстве не появлялся никогда Иов,—это прямое, честное мужество и против Бога? Точно Христос стеснил нас невероятным стеснением. Да и как ведь: Он такой Благой Учитель, что навздыхал с человеком достаточно; так что когда человека жгут, или гонят за Него, то он не может деже пожаловаться Ему, когда он все вздыхал и вздыхал по человеке.

И вот ропот был возможен: против Бога Израилева. Но Благой Учитель предупреждал и самый ропот.

А тяжело. Иногда-ах, как тяжело. На другой день молодой и гениальный (так редко!) священник пришел ко мне . . . к удивлению—отслужить молебен.

Опять «туда—сюда», так как всего назад тому дня за четыре он решительно отказался это сделать за недосугом. У нас—все ссоры или вернее ссорчливость. Грубость и выкрики, в сущности от нужды. Он был опять в скромной рясе, и уже не так красив. И шепнул мне торопливо:

—Вы на меня сердитесь?

—Не много, ответил я сухо. Я гордился от отречения его в присутствии «друга» от мыслей, какие он в письмах ко мне, очевидно меньшему другу, явно разделял.

Один живописец,—не Васнецов, а другой, представил его на великолепной огромной картине идущим с «интеллигентом» в пальто. Черту гения в живописце (он вполне гениален, гораздо больше Васнецова) составляет та разительная особенность, что гениальный священник и вовсе не гениальный проффесор (без «ноумена» и пропасти в себе) несколько отвернулись друг от друга, хотя в тоже время священник явно ведет его. Тут живописец выразил ту же черту, какую я заметил в музыке церковной и неиз'яснимой

мых мыслях церковных. И выразил конечно сам не понимая, «что, как и почему». Но отметив изумительным движением кисти «туда-сюда». «Video meliora proboque. Deteriora sequor». Интеллигент идет, вдохновенно подняв глаза. Священник же опустил голову и кажется глаза его совершенно не заметны. Ныне, через недолго времени,«—интелигент» уже также священник. Простой, добрый, ясный. Священник-же как будто в задумчивости и о другом тексте Ап. Павла: «Кто избавит меня от сего тела грешного».

И я подумал еще в добавок ко всем текстам и не текстам: какие пропасти есть в человеке, и—в мире.

Над ним лазурь...
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в буре есть покой.

«Туда-сюда». Или, как говорит Апокалипсис о священных животных: «и ни днем, ни ночью они не знают покоя».

В. Розанов.

Безответные вопросы.

IX

Так недавно еще писал я в одном из номеров «Книжного Угла» (и казалось—это был глас вопиющего) о художниках новаторах, пытающихся отвоевать себе положение «государственной» художественной школы, о «футуристах»,- нежданных деятелях оффициального искусства, как вокруг всего этого поднялась шумиха с легкой руки комиссара народного просвещения.

А. В. Луначарский в статье, помещенной в органе сановных футуристов *), преподнес последним» «ложку противоядия», проглоченную г-ми «новаторами», как и множество прочих ложек со всяческими зельями, преподносимыми им уже не раз попечительным начальством,—с аппетитом сомнительным, но за то с видом весьма самостоятельным и гордым.

---

*) «Искусство Коммуны» № 4. «Ложка противоядия». А. Луначарский.

«Искусство Коммуны», видите ли, орган все таки «футуристический», сохранивший в известной степени и старую терминологию и багаж старых лозунгов (со включением туда ходячих слов современности) и «футуристичность» сего органа «смутила» комиссара народного просвещения, который, сохраняя, впрочем, и на этот раз по отношению к молодежи отеческий, укоризненно—благодушный тон, пишет следующее:

«Не беда *), если Рабоче-Крестьянская власть оказала значительную поддержку художникам-новаторам... Не говорю уже о том, что футуристы первые *) пришли на помощь *) революции, оказались среди всех интеллигентов (интеллигентов? вот конфуз то для пролетарской психологии Маяковского, Пунина и Брика) наиболее ей родственными и к ней отзывчивыми,—они на деле проявили себя во многом хорошими организаторами *)... Но было бы обидно, если бы художники новаторы окончательно вообразили бы себя государственной *) художественной школой, деятелями оффициального *), хотя бы революционного, но сверху диктуемого искусства».

«Новаторы» же, проглатывая сию ложку противоядия, замешанную на изрядной дозе весьма сомнительных комплиментов (хотя бы это великолепное «не беда»!), пытаются снять с себя обвинение в том, что будто бы хотят они «использовать» государственную власть для проведения своих «художественных идей».

Пытаются, но... но забывают, что только в предыдущем номере «Искусства Коммуны» какая то анонимная группа поэтов тосковала о том, что в «искусстве не проводится железная последовательность большевистской программы».

Железная последовательность?

О, мы хорошо знаем цену этой «последовательности». И мы также несомненно знаем, что тоскуя о ней, группа левых поэтов тосковала о помощи железной длани красноармейца.

Недаром так неустанно и упорно «Искусство Ком-

---

*) Курсив мой.

муны» улавляет на страницах своих «гидру реакции и контрреволюции в искусствах».

Недаром с психикой, взрощенной в полицейском участке или каком ином застенке и с терминологией, заимствованной у Русского илн какого иного Знамени, требует она железной последовательности.

Впрочем, «Искусство Коммуны» вовсе и не пытается окончательно снять с себя обвинение в том, что хочет она использовать государственную власть. Даже наоборот, она не прочь использовать ее (пока не использовала, но не прочь), если бы

«нам позволили использовать».

Но не позволяют...

Однако, какое голое, какое не казистое

«не позволяют».

В нем подноготная того «футуризма», который представляется «футуристами» из «Искусства Коммуны» и отсюда та линялая оппозиция, которою щеголяет иногда эта газетка и которой пытается подменить она былое бунтарство былого футуризма.

Недаром из номера в номер «Искусство Коммуны», не переставая, впрочем, ставить знаки равенства между футуристическими чаяниями своего прошлого и всесильными сейчас понятиями ублюдочного языка современности, не уставая заверять нас, и не столько нас, конечно, сколько «их», в своей изначальной верности большевистской идеологии, не может примириться с нерешительностью, и безучастностью своего господина к ним, первенцам коммунистической России.

Им многое позволено, но не все. От железной же последовательности большевистской идеологии можно было бы требовать и бóльшого.

И когда пишут художники футуристы в пылу мирной и домашней полемики с Луначарским, что «обольщать себя ложными победами, утверждать формальное свое господство им не свойственно»,

и когда бросают они гордый вызов:

«Враги, если вы существуете, ждем вас»,

(Да, помилуйте, какие же враги сейчас? Или про железную длань забыли?)

то не есть ли это только временная реакция на принятое в микроскопической дозе противоядие?

Впрочем, и сейчас в своем скромном негодовании они—очень дипломатичны, очень осторожны и себе на уме, эти вылинявшие футуристы:

лишь бы не обидеть попечительное начальство, лишь бы не обмолвиться неосторожным словом.

Ну, а неудавшаяся карьера, желчь не получивших во время повышения чиновников и для всех проистекающих отсюда благородных чувств и мирной оппозиции,—для всего этого, не правда-ли,

— гидры реакций и контрреволюций существуют?

X.

А факты, которые даже «Искусство Коммуны» иногда из состояния равновесия выводят,—факты действительно удивительные.

Русские интеллигенты и те, всегда, правда, «об'ективностью» болевшие, даже те, про враждебность свою современности позабыв, не перестают восторженно удивляться.

Впрочем, они то восторженно удивляются, я же с «Искусством Коммуны», об'ективности чуждые, отнюдь не восторженно, хотя и по разному, удивляемся.

Ах, уж эти широкие начинания в области наук и искусств, которые даже заледенелые в антибольшевизме сердца интеллигентов в трепет привели:

—«Все таки, знаете, во имя об'ективности нельзь не признать... Эта громадные суммы, которые тратятся, эти университеты, школы, институты, эти театры, издания, предприятия, эти»...

И никто не хочет понять, что только от неспособности, бессилия и безучастности и эти институты, и эти предприятия, и эти издания.—Вся устрашающая бесстильность, широкая раскиданность, многоликое бесвкусие современности.

Никто не хочет понять, что современные Лоренцы Великолепные, Возрождением искусств и наук будто бы на Руси занятые,—окончательными и решительными душителями творчества являются.

Это только один Лоренцо на путях Возрождения встретился, но отнюдь не всякому комиссару дано Лоренцо быть, точно также как и не всякому коммунару обязательно в искусствах понимать и поэтом, примерно, быть, и даже не двум, трем или целому совету комиссаров обязательно Возрождение делать.

Ну, еще политику можно сделать, ибо политика и скверной может быть, но уж искусство скверным не бывает; также как и Возрождение, ибо какое уж тогда Возрождение?

И когда всмотришься в эту необычайную картину просветительно-литературно-театральной и пр. деятельности правительства, то до ужаса удивляться приходится, как ничего, по существу ничего, не изменилось,—как в старом разбитом рыдване русская культура по старым ухабам и новым топким трясинам томительно плетется.

И какие только породы человеческие не впряглись в победоносную, с позволения сказать, колесницу победоносного героя современности. Даже вымершими казавшиеся породы здесь оказались, не говоря уж о давнишних паралитиках русской культуры, которые, думалось, под руинами российскими с остатками живой жизни расстались.

И они впряглись.

И какую бойкость, какую резвость проявили. И тащут, тащут во все четыре стороны рыдван вышеуказанный.

Герою же никак вожжи не сдержать, вот он и плюнул;

—Тащите мол, куда хотите.

—Впряглись и ладно. Мне все равно. Лишь бы наровистых не было,—в упряжи итти не желающих.

Этих «герой» действительно терпеть не может. И предал их за то остракизму и анафеме всяческой.

Вот и сравните теперь прежних и нынешнего меценатов.

Конечно и при прежних и остракизм, и анафема бывали, но там это было дело вкуса, а потому и формы их другие были, здесь же—исключительно от бесвкусия (т. е., вкус тут ровно ни при чем, а совсем другое), также как и широкая приемлимость тоже от безвкусия (лишь бы не наровистость).

А главное, умри завтра Лоренцо, или в отставку подай и вся «культура» прахом пойдет, все Возрождение вдребезги разлетится.

—Косметика с лица сегодняшнего дня осыпется; так и будет он, похабно ухающий, без своего фигового листка ходить

Только по мне—лучше бы прахом пошла и вдребезги разлетелась.

Терпеть не могу платья с чужого плеча и как то, сознаюсь, за сегодняшний день обидно, за чистоту идеи его: смотреть даже тошно, как линяет он и в бесстильности ужасающей разлагается.

Не говорю уж о том, конечно, что изменение основ Государства Российского ознаменовать следовало хотя бы бо́льшей гласностью в вопросах «поддержек», субсидий и пр. благ, щедрой рукой Лоренцо искусствам раздаваемых.

А то только и слышишь:
Тому дали, этот получил, тот... впрочем разно выражаются.

Вы только не подумайте, что это намеки какие нибудь определенные, что кляузы писать собираюсь. Отнюдь нет, но только и с существом самим, и со всеми манерами, меценатства правительственного я никак примириться не могу.

Тем же, кто в колесницу впрягся, тем,—сейчас то им правда некогда заполноту власти, обрывки порфир и кое-что другое борются, ну, а потом стыдно будет, даже очень стыдно.

Ведь за «художественные» дела ответить то придется.

Ну и чтоже ответят тогда?
Или одни оправдываться будут, что на руинах старого мира, энтузиазмом строительства новой культуры испепеляемые, на Голгофу сегодняшнего дня самовольно взошли?

А другие,—что в стихии разрушения и безпардонного нигилизма культуру своим самопожертвованием спасали?

Только первые роковым бессилием своих попыток осуждены будут.

А вторые? А вторым то и спасать нечего было, ибо если спасать хотели, то не архивы же на самом деле или музей какой нибудь спасать сейчас.

Ибо, что такое и культура вся, и великие памятники, и искусство все, когда человека спасти нужно было.

Я конечно обиняками говорю и слова возвышенные употребляю, когда дело ведь совсем простое и мотивы простые.

Когда только о приспособляемости позорной и гнусной говорить следует.

Уж не лучше-ли без оправданий совсем?

Не лучше-ли с гнусностью этой сквозь годы позора прошмыгнуть как нибудь?

А потом запамятовать ее, гнусность то, можно? «Время изменится...» гудит шарманка...

Ну, а память-то как будто прокурор не из страшных?

Виктор Ховин.

Библиография.

Искусство.

392. В. В. Кандинский. 25 репродукций с картин 1902-17 г.г., 4 виньетки. Текст художника. Стр. 56. Изд. Отдела Изобразит. Искусств Народн. Комис. по Просвещ. М.—18 р.

393. Я. Тугендхольд. Жизнь и творчество Поля Гогена. Поль Гоген. «Ноа-Ноа». Путешествие на остров Таити. Изд. 2-ое, дополн. и исправл., с примеч., 20 автотипиями и 2 трехцветками. Стр. 168. Изд. Т-ва Маковский и сын. Отпечатано в колич. одной тысячи экземпл. М.—50 р.

394. Пав. Харубин. Рисунки (26 воспроизвед. на отдельн. листах и 4 в тексте). Текст Н. Лаврского. Стр. 9. Отпегат. 500 нумеров экз. М. 1918 г.—10 р.

Театр.

395. Ю. Соболев. Вл. И. Немирович-Данченко. Стр. 147 с иллюстр. и портрет. Худож. из-во «Светозар». Спб. 1918 г.—60 р.

396. Н. Эфрос. К. С. Станиславский. (Опыт характеристики). Стр. 128 с иллюстр. и портр. Худож. из-во «Светозар». Спб. 1918 г.—60 р.

397. В. В. Тиханович. Народный Театр. Пособие для режисс., инструкт. и руководит. народн. театр. кружков. Выпуск II (прошлое народн. театра). Стр. 27 с иллюстр. Театр. из-во. М.

398. В. В. Тиханович. Народный Театр. Выпуск III-IV (Репертуар народн. театра). Стр. 50 с иллюстр.

399. В. В. Тиханович. Народный Театр. Выпуск V-VI (Творчество актера.—Грим и костюм). Стр. 42 с иллюстр.—2 р. 75 к.

400. Сборник Историко-Театральной Секции.

Том I. Содерж.: В. Н. Соловьев—Памяти И. А. Шляпкина. П. О. Морозов—Драмат. литерат. и театр в Италии со времени ее политич. возрождения. Б. П. Сильверсван—Король Лир Шекспира. Б. П. Сильверсван—Театр и сцена эпохи Шекспира в их влиянии на тогдашнюю драму. С. Э. Радлов—О технике греческ. актера. П. Гнедич—Хроника русск. драматическ. спектаклей на Императ. Петерб. сцене 1881—1890 годах. А. М. Брянский—Переписка А. Э. Мартынова. В. Всеволодский—Гернгросс.—Библиограф. и хронологич. указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII веках. Стр. 308+V. Изд. Театральн. Отдела Народн. Комисс. по Просвещению. Спб. 1918 г.—20 р.

401. А. Потехин. Чужое добро в прок не идет. Драма в 4 действ. Стр. 91. Изд. Театр. Отд. Н. Комисс. по Просв.—4 р.

402. А. Погосский. Жареный гвоздь. Походн. шутка. Стр. 45. Изд. Театр. Отд. Н. Комисс. по Просв.—3 р.

403. Карл Гуцков. Пугачев. Трагедия в 5 действ. и 9 карт. Перевод с немец. П. Морозова. Стр. 94+8. Изд. Театр. Отд. Н. Комисс. по Просв.—3 р. 50 к.

404. Ф. Зелинский. Еврепид. Очерк. Стр. 16.

405. Ф. Зелинский. Софокл. Очерк. Стр. 17.

406. П. Морозов. Шиллер. Очерк. Стр. 15.

407. П. Морозов. Гуцков. Очерк. Стр. 16.

408. Н. Холодковский. В. Гете. Очерк. Стр. 20.

409. В. Чудовский. Дюма—отец. Очерк. Стр. 15.

410. В. Чудовский. Скриб. Очерк. Стр. 16.

411. П. Морозов. Тургенев. Очерк. Стр. 15.

412. П. Морозов. А. С. Пушкин. Очерк. Стр. 16.

413. П. Гнедич. Д. П. Фонвизин. Очерк. Стр. 14.

414. П. Морозов. А. Н. Островский. Очерк. Стр. 15.

№№ 404—414 изданы Театр. Отделом Народн. Комисс. по Просвещению. Экз.—50 к.

415. Игра. Не периодич. изд. посвященное воспитанию посредством игры. № 2. Содерж.: От редакц.—В. Всеволодский Геренгросс О преподов. искусств в общей школе.—Н. Б. Рассказывание.—В. Всеволодский-Геренгросс. Инстерпретация сказок.—А. Ремизов. О тибетских сказках.—Н. Соболев. Десять лет игрового учреждения.—А. Канкарович. Музыка для детей.—Отражения.—Из книг и журналов.—Библиогр. Отдел.—Хроника.—Листок характеристика пьесы для детск. театра.—Вс. Мейерхольд и Ю. Бонди. Алинур (сказка с иллюстр.).—Приложения. Стр. 126. Изд. Театр. Отдела Народн. Комисс. по Просвещ. Спб. 1918 г.—8 р.

416. К. Баранцевич. Под землей. Пьеса в одном действии, с пением. Стр. 7. Изд. Театр. Отд. Народн. Ком. по Просвещ.—50 к.

Литература.

417. Ал. Блок. Двенадцать. Стр. 62. Рисунки Ю. Анненкова. Изд. «Алконост». Спб. 1918 г.—10 р.

418. Андрей Белый. Христос Воскрес. Поэма. Стр. 58. Изд. «Алконост». Спб. 1918 г.—3 р.

419. М. Кузмин. Вожатый. Стихи. Стр. 76. Изд. «Прометей». Спб.—9 р.

420. Жюль Лафорг. Пьерро. (Pierrot fumiste). Перевод В. Шершеневича. Рисунки Бердслея. Стр. 47. Изд. «Альциона». М. 1918 г.—12 р.

421. А. В. Луначарский. Фауст и город. Драма для чтения. Стр. 99. с иллюстр. Лит.-Изд. Отд. Народн. Комисс. по Просв.—15 р.

422. А. В. Луначарский. Комедии. Стр. 100. Изд. 2-ое Петр. Сов. Раб. и Красн. Депутат. 1919 г.—2 р. 60 к.

423. А. Зиновьева-Аннибал. Нет! Рассказы. Посмертн. изд. под ред. В. Иванова. Стр. 108. Изд. «Алконост». 1918 г. Спб.—6 р.

424. Алексей Кириллов. Записки Всеволода Николаевича. Повесть. Стр. 140. Изд. «Алконост». Спб. 1918 г.—8 р.

425. Виктор Гюго. Девяносто третий год. Перев. с франц. О. И. и М. В. Лучицких, под ред. проф. И. В. Лучицкого. Вступит. статья А. Г. Горнфельда: «Основная мысль Девяносто третьяго года». Изд. Колос. Стр. XVI+362+IV. Спб.—8 р.

426. Неизд. произведения Н. А. Некрасова. (Повесть о Достоевском, Тургеневе, Белинском.—Драматич. поэма.—Стихотв. «Мать».—Из записной книжки). С об'яснит. статьями и примеч. К. И. Чуковского. Стр. 93. Из-во «Петербург». 1918 г.—8 р.

427. К. Чуковский. Крокодил. Поэма для маленьких детей. С рисунками Ре—ми. Стр. 36. Изд. Пет. С Раб. и Красн.Деп—7 р.

428. Сергеев-Ценский. Собр. соч. Т. VI. Рассказы. Стр. 181. Кн-во Писателей. М.—5 р. 50 к.

История Литературы и Критика.

429. С. А. Венгеров. Собр. соч. Т. IV. В чем очарование русской литературы. Стр. 160. Изд. 2-ое. «Светоч».—8 р.

430. В. Жирмунский. Религиозное отречение в истории романтизма. (Материалы для характеристики Клемансо Брентано и Гейдельбергских романтиков). Стр. 204+81. Изд. Сахарова. М. 1919 г.—14 р.

431. А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. Личность и творчество. 1818—1918 г. Стр. 236. Изд. Т-ва «Грань». М. 1918 г.—6 р.

432 Проф. П. Н. Сакулин. На грани двух культур. (И. С. Тургенев). Стр. 102. Изд. «Мир». М. 1918 г.—4 р. 30 к.

433. О Тургеневе. (1818—1918 г.) русская и иностр. критика. Составил П. П. Перцов. Стр. 234. «Кооперативное Из-во». М.—10 р.

434. Тургенев и Савина. Письма Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисл. и под ред. почетн. академика А. Ѳ. Кони при ближайш. сотруднич. А. Е. Молчанова. Стр. 113+XXXVIII. Изд. Государств. Театров. Спб. 1918 г.—20 р.

435. Слово о культуре. Сборник критич. и философск. статей. (М. Гершензон—Дух и душа. С. Борщевский—Новое лицо в «Бесах» Достоевского. Ю. Айхенвальд—Поэзия Блока. Ал. Лаврский—Взыскующий благодати. С. Гордон—Приспособление к трагедии. Стр. 90. Изд. Гордон—Константиновой. М. 1918 г.—6 р.

История.

436. Проф. Р. Ю. Виппер. Возникновение христианства. Стр. 118. Культ.-историч. библ. Изд. «Фарос». М. 1918 г.—4 р. 30 к.

437. Н. М. Никольский. Иисус и первые Христианские общины. Стр. 116. Изд. «Денница». М. 1918 г.—5 р. 50 к.

438. И. Н. Бороздин. Античная культура на юге России. Стр. 47. Культ.-бытовые очерки по мировой истории. Серия Б. Всеобщ. История № 2. Изд. «Практическия Знания». М.—1 р. 75 к.

439. Прив.-доц. А. А. Захаров Гомер. Стр. 59 и указат. литературы. С иллюст. Культ.-бытовые очерки по миров. истории. Серия Б. (Всеобщ. Ист.) № 5. Изд. «Практич. Знания». М. 1918 г.—3 р.

440. С. Д. Сказкин. Сорок восьмой год во Франции. (Февраль—Июнь). Стр. 74+II. С 7 иллюстр. Культ.-быт. очерки по мировой истории. Серия. Б. (Всеобщ. Ист.) № 7. Изд. «Практич. Знания». М. 1918 г.—3 р.

441. Прив.-доц. Н. А. Щербаков и В. С. Шербакова. Скиѳы. (Из прошлого России). Стр. 77. Культ.-бытов. очерки по мировой ист. Серия А. (Русская история). № 2—3. Изд. «Практич. Знания». М.—2 р. 85 к.

442. Е. Г. Кагаров. Религия древн. славян. Стр. 72. Культ.-быт. очерки по мировой ист. Серия А. (Русская История) № 4. Изд. «Практич. Знания». М.—2 р. 65 к.

443. А. Олар. Политич. история Французской революции. Происхожд. и развитие демократии и республ. Изд. 3. Перев. А. Кончевской. Стр. 536. Изд. Петр. Сов. раб. и красн. депут. 1918 г.—13 р. (нов. номиналн.—16 р.).

444. Е. В. Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции. Стр. 126. Библиотека Вольн. Универс. Изд. 2-ое. Клестова. Спб.—3 р. 75 к.

445. П. Е. Щеголев. Петр Григорьевич Каховский. Серия «Декабристы». Стр. 153. Изд. «Альциона». М. 1919 г.—6 р.

Философия и Религия.

446. Н. Лосский. Введение в философию. Часть I. Стр. Изд. «Наука и Школа». Спб.—10 р.

447. Н. Лосский. Введение в философию. Часть I. 2-ое изд. «Науки и Школы».—12 р.

448. А. Белый. На перевале. II. Кризис мысли. Стр. 124. Изд. «Алконост». Спб. 1918 г.—8 р.

Периодич. издания. *)

449. Искусство Коммуны. №№ 2—16. Еженед. Изд. Отд. Изобразит. Изкусств. Нар. Комис. по Просвещ. Спб. Ц. №—50 к.

---

*) За недостатком места периодич. изд. указыв. за одним порядков. номером.

450. Искусство. №№ 1—4. Вестник Отдела Изобраз. Иск. Нар. Комис. по Просвещ. М. (Выходит 1-го и 15-го кажд. месяца). Ц. №—60 к.

451. Записки Передвижн. Общедост. Театра. Выпуски 15—18. Ц. вып.—1 р. 50 к.

452. Бирюч. Петр. Госуд. Театров. №№ 6—14.

453. Вестник Литературы. Орган об-ва Взаимопомощи Литераторов и Ученых №№ 1—2. Январь-Февраль 1919 г.—3 р.

Добавление.

454. Le livre de la marquise. Recueil de Poesie et de Prose. (Сборник составлен художн. К. Сомовым и им же иллюстрирован). Стр. 195+3. Изд. Голике и Вильборг в колич. 800 экз.—275 р.

455. *) Иннокентий Анненский. Фамира Кифарэд. Вакхическая драма. Стр. 92. Фронтиспис, таблицы, эскизы костюмов А. А. Экстер к постановке драмы и концовки А. Б., В. Белкина, Д. Митрохина и С. Судейкина. Изд. З. И. Гржебина. Отпеч. 500 нумеров и 50 именн. экз. Спб. 1919—25 р.

456. *) Гильгамеш. Вавилонский эпос. Перевод Н. Гумилева. Введение В. Шилейко. Стр. 77 с иллюстр. Изд. З. И. Гржебина. Спб. 1919 г.—10 р.

457. *) М. Кузмин. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, Графа Калиостро. (Новый Плутарх. I). В трех книгах. Стр. 235. Книжн. украшения работы М. В. Добужинского. Спб. 1919 г.—20 р.

458. Л. П. Карсавин. Культура средних веков. Общий Очерк. Стр. 223. Серия «Круг Знания». Изд. «Огни». Спб. 1918 г.—12 р.

459. О. А. Добиаш-Рождественская. Эпоха Крестовых походов. (Запад в крестоносном движении). Общий Очерк. Стр. 116. Серия «Круг Знания». Изд. «Огни». Спб. 1918 г.—7 р.

460. Д. С. Мережковский. 14-ое Декабря. Изд. «Огни» Спб. 1919 г.—24 р.

---

*) Склад издания—«Книжный Угол».

3 р.